

Зеленская Диана Кирилловна

г. Краснодар, МУ ДО «Малая Академия», 10 класс

**Рецензия на спектакль Театра Музыки и Поэзии под руководством
Елены Камбуровой (Москва) «Двенадцать»**

Режиссёр Иван Поповски

Александр Блок писал: «Оттого я и не отрекаюсь от написанного, что оно было писано в согласии со стихией... Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики. Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля её замутит все остальное; может быть, она не убьёт смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает, она окажется бродилом, благодаря которому «Двенадцать» прочтут когда-нибудь в не наши времена» (выделено мной.-Д.З.).

Одним из таких прочтений, и, наверное, единственным настолько живым и настоящим, была интерпретация поэмы «Двенадцать» в Театре Музыки и Поэзии под руководством Елены Антоновны Камбуровой. Впервые «Двенадцать» как оперу в концертном исполнении зрители увидели 7 ноября 2017 года, в год 100-летия Октябрьской революции.

Так призыв Александра Блока «слушать музыку революции» был услышан современным композитором Владимиром Дашкевичем и воплощён на сцене гениальными аранжировщиком Олегом Синкиным, постановщиком Иваном Поповски, солисткой и руководителем театра Еленой Камбуровой, концертмейстером Оксаной Глобой.

Стоит отметить, что опера «Двенадцать» Театра Музыки и Поэзии – опера не в традиционном представлении: в ней нет вокальных диалогов,

какого-либо движения, сценического действия, есть лишь музыка и монолог солистки – Елены Антоновны Камбуровой.

Для исполнения оперы выбрана сцена камерного зала, небольшого по размерам. Такие площадки имеют некоторые «недостатки» для актёров: небольшая вместимость, близость зрителей к сцене и хорошая акустика. Видны все эмоции и слышен каждый звук, поэтому у актёров сложнейшая задача – не сфальшивить (не только в музыкальном смысле). Зрители, в свою очередь, должны быть готовы почувствовать себя участниками событий, поскольку создаётся полное погружение в действие.

На сцене, помимо уже упомянутого Олега Синкина, который создаёт особую атмосферу своей виртуозной игрой на рояле, и солистки Елены Камбуровой, исполняющей все роли в спектакле, находятся ещё двое музыкантов – Вячеслав Голиков (гитара) и Евгений Алтудин (аккордеон), а также хор из восьми артистов (Евгений Астафуров, Елена Веремеенко, Юлия Зыбцева, Анна Комова, Евгения Курова, Андрей Зверев, Алена Парфенова, Анна Леванова). Вячеслав Голиков и Евгений Алтудин находятся в левой части сцены, в то время как хор располагается в глубине сцены. Такое пространственное решение помогает заполнить музыкой всё пространство. Если в большинстве постановок по поэме «Двенадцать» музыка дополняет действие, то в случае с оперой Театра Музыки и Поэзии она главенствует.

Всего в опере задействовано двенадцать человек. В контексте поэмы число двенадцать символично.

Опера «Двенадцать» начинается с нежной лирической игры пианиста Олега Синкина, но вдруг – резкие и внезапные удары по корпусу и струнам гитары развеивают это нежное звучание. Сквозь мелодию начинают прорываться шаги Двенадцати, и на сцену под ритм музыки выходят восемь актёров, которые выстраиваются на ступенях разного уровня, визуально создавая градацию. Их лица озаряются бело-синим светом. Напряжение усиливается – игра музыкантов становится всё более резкой и тревожной. Звучит «голос революции» – шаги, удары.

Затем снова лирический мотив, и на сцену выплывает силуэт Елены Антоновны Камбуровой. Когда она поворачивается к залу, мы обращаем внимание не только на её серьёзное и загадочное выражение лица, заколдовывающее всё, но на и красные лоскуты ткани на её чёрной одежде, это как будто «отсвет» революционного пожара. Остальные актёры полностью одеты в чёрные одежды, которые сливаются с «чёрным кабинетом», в котором и происходит всё действие.

Декораций минимум: на переднем плане стоит куб, на который в течение спектакля несколько раз садится солистка, а за актёрами расположено несколько стульев, сыгравших важнейшую роль в одной из мизансцен ближе к концу оперы. Ничто не отвлекает внимание зрителя, на время словно оказавшегося в другой эпохе.

Мизансцена в самом начале спектакля, когда Елена Камбунова начинает петь, захватывает дыхание. С трудом веришь, что такая хрупкая женщина способна на исполнение таких низких нот. Жуткая атмосфера воцаряется с первых слов: «Чёрный вечер. // Белый снег. // Ветер, ветер! На ногах не стоит человек...» Ветер из поэмы А. А. Блока переносится в действительность и окутывает Елену Антоновну, которая «в порыве ветра» как будто пошатывается, еле удерживается на ногах. «Ветер, ветер!» становится рефреном, повторяющимся на протяжении всего спектакля.

В исполнении ролей Еленой Камбуровой можно говорить об удивительной модуляции голоса. Голос каждого героя, которых она играет, уникален, и то, как быстро солистка переключается с басового низкого звучания повествователя на хрипящий высокий тембр старушки, поражает зрителя. Хор из восьми актёров мастерски аккомпанирует солистке, а в некоторых моментах даже звучит самостоятельно, как, например, в исполнении фразы «Вся власть Учредительному Собранию!». Иногда на первый план выходят отдельные голоса: слова «Погибла Россия...» поют мужчины, которых всего двое в хоре.

Нарастающее напряжение передается не только звуковым, но и визуальным рядом. Во время повествования об Учредительном Собрании начинается игра света: всё подсвечивается красным цветом, цветом крови, и, наверное, справедливо сказать – цветом революции. Красным горят прожектора и когда звучат шаги Двенадцати, и когда конфликт произведения наиболее ярко и полно раскрывается на сцене. Синий цвет сменяет красный. Световой контраст красного и синего усиливает хаос, несмотря на то, что цвета довольно минималистичны.

Переходная мизансцена после убийства Катьки, казалось, наполнена всеми ранее упомянутыми приёмами: игра света («Мертва, мертва, мертва», с каждым словом свет тускнеет всё сильнее, пока не останутся два еле тлеющих красных пятнышка); звук (музыка становится динамична и так же, как и свет, тише). В этом случае о мизансцене можно говорить, как о пластическом образе, в центре которого действующий живой человек. Актеры впервые за оперу создают какое-то движение, садятся и склоняют головы. Это всеобщее движение олицетворяет скорбь и сожаление. Елена Антоновна тоже садится, только на куб, одну из немногих декораций. Так ощущается связь между внешними физическими проявлениями и внутренними переживаниями (психологический приём).

Мимика и жестикуляция Елены Камбуровой тоже играют важную роль в ключевых и переходных мизансценах, становятся своего рода приемом. Решение режиссера поставить солистку в центр действия, в центр сценического пространства – удивительно. Вся жизнь, все чувства и эмоции собрались в ней: Катьке, буржуе, красноармейцах, старушке, голодном псе, поэте... – *Елене Антоновне Камбуровой*. На неё и направлено всеобщее внимание.

«Отпирайте этажи// Нынче будут грабежи». Эти слова звучат очень резко после момента скорби и сопровождается не только басистым «Эээ» Елены Антоновны, но и туманом, в котором исчезают несколько певцов хора. Резкая смена музыки, света, настроения в опере «Двенадцать», и зрителю

приходят на память иллюстрации Юрия Анненкова к поэме А. А. Блока, с которым художник лично согласовывал детали рисунков. Резкость линий, одна из наиболее ярких черт идиостиля Анненкова, отражается игрой света и музыки. В их взаимодействии прослеживается и многоплановость тех знаменитых рисунков.

Игра музыки и света прекращается лишь на несколько секунд: церковное песнопение, достигшее своего апогея, прерывается резким и звонким падением стульев. Тогда-то и воцаряется всепоглощающая тишина, правда, ненадолго.

Финал поэмы, о котором спорят до сих пор, очень интересно интерпретирован на сцене. О близящемся конце свидетельствует имитация снега, падающего на пол с высоты. Благодаря введённому рефрену «Идут, идут, идут», не соответствующему оригинальному тексту поэмы А. А. Блока, ощущается интрига. Рефрену сопутствуют ускоренная музыка и уход со сцены певцов хора. Разлом, появившийся на сцене посредством игры света и тени, похож на очертания домов – опять-таки как на иллюстрации Юрия Анненкова, где изображён Иисус Христос. И вот солистка закрывает глаза руками, будто боясь грядущего.

После на сцене воцаряется тьма, и лишь прожектором подсвечивается со спины фигура солистки. Благодаря свету и нежным движениям рук актрисы образуется силуэт крыльев. В конце – полная тьма и хлопок, после которого всё озаряется цветом революции – уже не красным, а багровым.

В постановке поэмы «Двенадцать» важно каждое движение, звук, голос – всё! Солистке, хору и музыкантам удалось высветить слово А. А. Блока и сделать это самым лучшим образом. Основываясь на уже имеющемся культурном пласте, они создали нечто абсолютно новое и к тому же очень удивительное. Опера «Двенадцать» потрясает сознание каждого, кто её видел, «пробирает до мурашек» и открывает поэму Александра Блока по-новому.